

18+

Александр Булдаков

Путь по лезвию ножа. Шилов

Александр Булдаков

Путь по лезвию ножа. Шиллов

«Издательские решения»

Булдаков А. А.

Путь по лезвию ножа. Шилов / А. А. Булдаков — «Издательские решения»,

Майор Шилов не брал взяток. Никогда. Он прошёл Афганистан, перестройку, лихие девяностые. Учил молодых, закрывал дела, от которых отказывались другие, и каждый день шёл по лезвию. Эта повесть — о человеке, который не выдыхался до последнего вздоха. О настоящем мужике, наставнике, отце. О том, что побеждает не сильный, а тот, кто дольше не сдаётся. И о письме, написанном перед смертью.

© Булдаков А. А.

© Издательские решения

Содержание

Путь по лезвию ножа	6
Пролог. Тот, кто выдыхается последним	7
Часть первая. Тот, кто начинал	10
Глава 1. Родина	10
Глава 2. Армия. Первые шаги	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Путь по лезвию ножа. Шилов

Александр Анатольевич Булдаков

© Александр Анатольевич Булдаков, 2026

ISBN 978-5-0070-1963-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Путь по лезвию ножа

Книга третья: ШИЛОВ

Посвящается тем, кто учил нас терпению. Тем, кто говорил: «Не лезь на рожон, но и назад не пятись». Тем, кто ушёл слишком рано, но оставил след, который не сотрётся. И тем, кто продолжает идти по лезвию сегодня — не зная, увидят ли завтрашний рассвет.

«В нашем деле побеждает не тот, кто сильнее или хитрее, а тот, кто дольше не выдыхается. Я видел много сильных. Много хитрых. Они ушли. А я остался. Не потому, что я умнее. Потому что я просто продолжал идти. Шаг за шагом. День за днём. Год за годом. И когда ты идёшь достаточно долго, даже стены начинают расступаться. А если не расступаются — ты их проходишь насквозь. С разбегу. С пробитой головой. Но проходишь».

Из письма майора С. П. Шилова лейтенанту А. С. Гордееву, 2014 год

Пролог. Тот, кто выдыхается последним

Усолье-Сибирское, декабрь 2014 года.

Майор Шилов сидел в своём кабинете в Межмуниципальном отделе МВД России «Усольский». Был поздний вечер, за окнами — темнота, снегопад, фонари горят желтоватым светом, и где-то далеко лают собаки — тоскливо, протяжно, как будто чувствуют чью-то близкую смерть.

Кабинет был маленьким, заваленным бумагами. Стол — старый, советский, с выдвижными ящиками, которые вечно заедали. На столе — гранёный стакан с остывшим чаем, пепельница, полная окурков, несколько папок с делами. У стены — сейф, в котором хранились вещественные доказательства, оружие и личное дело каждого оперуполномоченного. Сейф был открыт — Шилов доставал оттуда что-то важное, но так и не успел закрыть.

На стене — портрет президента, календарь за прошлый год, фотография: он, Шилов, молодой, в форме, на фоне гор — Кавказ, 1988 год, командировка, та самая, после которой он перестал спать по ночам. Ещё одна фотография — дочка, Леночка, выпускной, 2005 год, в белом платье, с букетом, — с того дня, когда он чуть не опоздал на торжественную линейку, потому что задерживал опасного преступника. Ещё одна — жена, Галина, умершая в 2010 году от рака, — он держал её за руку в последний час, и она сказала: «Серёжа, ты хороший. Просто помни об этом».

Шилов курил — уже не папиросы, а сигареты «Прима», дешёвые, крепкие, от которых саднило горло и першило в груди. Он знал, что курить ему нельзя — давление, сердце, возраст, врачи сказали ещё два года назад: «Бросайте, Сергей Петрович, иначе...» Иначе что? Иначе смерть? Он и так уже умирал не раз.

Курить начал в армии — в учебке, когда старшина заставил затянуться «Беломориной», чтобы проверить на слабо. Курил в Афгане, когда пули свистели над головой и каждый день мог стать последним. Курил на операциях, когда сидел в засаде по двенадцать часов в промёрзшей до костей машине. Курил, когда входил в кабинет к бандитам, которые были в десять раз богаче и в сто раз наглее. Курил, когда писал рапорты об увольнении, которые так ни разу и не подписал.

Он докурил, затушил окурочок в пепельнице, зажёл новую. Посмотрел на папку, лежащую перед ним. На обложке было написано: «Дело №147/С. Бакланов В. С. и иные. Срок следствия — продлён. Гриф — секретно».

На этой папке он написал: «Стоп. Хватит. Пора».

Взял телефон — чёрный, дисковый, аппарат семидесятых годов, работавший безотказно вот уже тридцать пять лет. Набрал номер.

— Алло, — ответил голос — молодой, бодрый, но с нотками усталости, которые Шилов научился распознавать с первого слова.

— Гордеев, — сказал Шилов. — Ты ещё в отделе?

— Так точно, товарищ майор. Дело по Баклану закрываю. Не спится.

— Не закрывай. Приезжай ко мне.

— Сейчас?

— Сейчас. Не откладывай. Время идёт.

— Есть.

Через десять минут — Шилов услышал шаги в коридоре, быстрые, уверенные — в дверь постучали. Шилов не ответил — дверь открылась сама. Вошёл лейтенант Гордеев — молодой, подтянутый, в форме, с усталыми, но живыми глазами. Под глазами — тени, как после бессонной ночи. Такие же, как у Шилова.

— Садись, — сказал Шилов, кивнув на стул. — Водки будешь?

— Нет, товарищ майор. Я не пью.

— И правильно. Я тоже почти не пью. Почти — это когда дочь родилась, тогда выпил. Когда жена умерла — тогда выпил. Когда... — он запнулся, посмотрел на фотографию дочери. — Ладно, не о том.

Гордеев сел. Шилов посмотрел на него — долго, внимательно, так, что Гордеев, казалось, чувствовал этот взгляд кожей. Потом подвинул через стол папку — тяжёлую, пухлую, с множеством закладок и пометок красным карандашом.

— Это дело по Баклану, — сказал он. — Всё, что мы собрали за два года. Смотри: здесь показания свидетелей, здесь — агентурные данные, здесь — выписки из банковских счетов, здесь — аудиозаписи разговоров. Этого достаточно, чтобы возбудить уголовное дело. Не просто возбудить — выиграть. Раз и навсегда.

— А почему мы не возбуждаем? — спросил Гордеев, перелистывая страницы. — Я не понимаю. Доказательств — вагон.

— Потому что Бакланов — свой, — Шилов усмехнулся, и усмешка эта была горькой, как полынь. — Бывший опер. У него друзья в прокуратуре, в мэрии, в областном УВД. Нас не пропустят. Даже не подойдут близко.

— А если попробовать через ФСБ? Майора Горелова?

— ФСБ — это Горелов, — Шилов кивнул. — Он человек надёжный, проверенный. Но у него свои задачи. Он не будет подставляться ради нашего районного масштаба. У него свои Бакланы — покрупнее. И свои Разгуляевы. Ты же знаешь, кто такой Разгуляев. Ты же читал дневник деда.

Гордеев вздрогнул — чуть заметно, но Шилов заметил.

— Читал, — сказал Гордеев тихо. — Но это другое. Разгуляев мёртв.

— Мёртв, — согласился Шилов. — Но система, которую он построил, — жива. Бакланов — её часть. И пока система жива, Бакланов будет на свободе.

Гордеев молчал. Сжимал и разжимал кулаки.

— Я собираюсь на пенсию, — сказал Шилов. — Через полгода. Так что это дело — твоё. Будешь вести его сам.

— Я справлюсь, товарищ майор. Вы меня научили.

— Знаю, — Шилов откинулся на спинку стула, потёр грудь — там, где сердце. Потом выдвинул ящик стола, достал конверт — плотный, жёлтый, без обратного адреса. — Это тебе. После моей смерти.

— Товарищ майор, — Гордеев побледнел. — Что вы говорите?

— То, что есть, — Шилов положил конверт на папку. — Я не вечен, Лёха. Никто не вечен. Ты справишься. Ты не выдыхаешься. А я — выдохся. Пора.

— Вы не выдохлись, — сказал Гордеев. Голос его дрогнул. — Вы — лучший, кого я знаю.

— Лесть — это не твоё, — усмехнулся Шилов. — Ладно, иди. Работай. Дело Баклана — теперь твоя война. Война, которую начал твой дед. Теперь ты её заканчиваешь.

Гордеев встал, взял папку, направился к двери. На пороге остановился, обернулся.

— Товарищ майор...

— Что?

— Спасибо. За всё.

— Иди уже, — Шилов махнул рукой. — Выспись. Завтра будет трудный день.

Гордеев вышел.

Шилов остался один. Посмотрел на часы — половина двенадцатого ночи. Взял сигарету, закурил. Потом достал из ящика стола блокнот — старый, потрёпанный, в кожаном переплёте — и открыл на последней странице.

«17 декабря 2014 года. Последняя запись. Сегодня я передал дело Баклана Гордееву. Он справится. Я в нём уверен. А сам я... сам я устал. Надо было уходить раньше. Врачи говорили. Галина говорила. Не слушал. Теперь поздно.

Прощай, Лёха. Прощайте все. Я прожил не зря. Кажется».

Он закрыл блокнот, спрятал в сейф. Выключил настольную лампу, опёрся на стол, закрыл глаза.

«Пять минут, — подумал он. — Пять минут отдохну — и домой».

Он не почувствовал, как сердце остановилось. Не почувствовал боли. Только темнота — мягкая, тёплая, успокаивающая. И голос Галины: «Серёжа, я здесь. Иди ко мне».

Он усмехнулся в темноте: «Иду, Галя. Иду».

Утром секретарша Ирочка открыла дверь своим ключом — Шилов всегда приходил раньше всех, но сегодня не открывал, и это было странно. Она увидела его сидящим в кресле, с сигаретой в руке, недокуренной. Сигарета погасла, оставив длинный столбик пепла, который так и не упал.

— Сергей Петрович, — позвала она. — Сергей Петрович!

Он не ответил.

Ирочка заплакала, выбежала в коридор, закричала: «Скорую! Срочно! Майору плохо!»

Но скорая уже не нужна была.

Часть первая. Тот, кто начинал

Глава 1. Родина

Село Верхний Ключ, Иркутская область, 12 марта 1957 года.

В ту ночь над тайгой стояло северное сияние — редкое для этих широт, зелёное, переливающееся, как шёлк на ветру. Старухи в селе говорили: «К добру. Ребёнок счастливым будет». Пётр Ильич Шилов, лесник, которому было под сорок, принял роды сам — повитуха не успела, застряла в сугробе на просёлке. Он принял сына, перерезал пуповину ножом, который всегда носил с собой на поясе, завязал узел льняной ниткой — и заплакал. Впервые в жизни.

— Сын, — сказал он жене, Антонине Сергеевне, которая лежала бледная, обессиленная, но счастливая. — Сын, Тоня. Сергей.

Роды были тяжёлыми — семь часов схваток, крови много, ребёнок шёл ножками. Антонина Сергеевна потом не могла иметь детей — Серёжа остался единственным. Единственным сыном, единственной надеждой, единственной радостью.

Детство Шилова прошло в тайге. Отец брал его с собой в обход с пяти лет — показывал, как определять возраст дерева по годовым кольцам, как находить грибные места, как ставить капканы на пушного зверя, как читать следы на снегу. Мать учила грамоте — читать, писать, считать по-старинному, на счётах.

— Серёжа, — говорила она, — самое страшное в жизни — это врать себе. Если научишься врать самому себе — пропал. Никогда себя не обманывай. Если больно — скажи, что больно. Если страшно — признайся, что страшно. Но не ври себе. Никогда.

Шилов не обманывал. Ни себя, ни других. Это качество потом сослужило ему добрую службу — и едва не погубило.

В школе он учился хорошо — без троек, без особых пятёрок, ровно, основательно. Легче всего ему давались математика и физика — точные науки, где всё чётко, доказуемо, без двусмысленностей. Учитель физики, старый инженер с завода, говорил: «Из тебя, Шилов, выйдет хороший технарь. Будешь заводы строить. Стране нужны инженеры».

Шилов не стал ни технарём, ни строителем.

Летом 1972 года, когда Шиллову было пятнадцать, в село приехали какие-то люди из города — в дорогих костюмах, с портфелями. Они говорили с отцом долго, закрывшись в горнице, потом уехали. Отец после их отъезда был хмурым, неразговорчивым,пил самогон три дня подряд — что с ним случалось редко.

— Пап, что случилось? — спросил Шилов.

— Ничего, сынок, — ответил отец, пряча глаза. — Бизнес. Не твоего ума дело.

Шилов потом узнал, что эти люди предлагали отцу «крышевать» незаконную вырубку леса на его участке — за долю, за хорошие деньги. Отец отказался. Ему угрожали. Он не сдался. Но через полгода его участок сократили, перевели в другое лесничество — подальше, в глушь. «Непокорный», — сказали в районе.

Шилов запомнил этот урок: честность не всегда вознаграждается. Иногда она наказывается. Но если ты выбрал быть честным — будь честным до конца. И не жалуйся.

Глава 2. Армия. Первые шаги

1975 год. Шилов закончил школу и пошёл в армию. Не потому, что хотел — потому, что надо было. Из села призывали всех. Мать плакала, отец сказал: «Служи, сынок. Будь человеком. Не позорь наш род».

Попал он в танковые войска, в Забайкалье — в Читу. Зима — минус сорок, казармы — старые, с дырявыми окнами, печки топили плохо, спали в шинелях. Лето — пыль, грязь, комары тучами.

Учебка длилась шесть месяцев. Шилов учился водить танк Т-62 — тридцать шесть тонн железа, скорость до пятидесяти километров в час по пересечённой местности. За месяц он научился управлять машиной так, что инструктор, старый прапорщик с нашивками за ранения, сказал: «Из тебя, Шилов, выйдет толк. Оставайся на сверхсрочную».

После учебки — распределение в Приморский край, в мотострелковую дивизию. Шилов стал командиром танка — младший сержант, три человека под командованием. Ответственность огромная, особенно для восемнадцатилетнего парня.

Там, в армии, он понял, что такое дисциплина. Что такое приказ. Что такое «надо» — даже когда не хочется, даже когда страшно, даже когда кажется, что это бессмысленно.

Там он научился стрелять — из пистолета Макарова, из автомата Калашникова, из пулемёта, из танковой пушки. Стрелять точно, без колебаний, навскидку — так, чтобы попадать с первого выстрела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.